

Есть ли в русском языке слово *спички*?

(О полноте словоизменительной парадигмы и грамматических профилях слова)

Статья посвящена проблеме полной/неполной словоизменительной парадигмы и грамматическим профилям слов – совокупности форм, востребованных коммуникативной практикой. Автор ставит вопрос об использовании той или иной формы слова с «ущербной» парадигмой в качестве заглавного в словарной статье, анализирует частотность употребления разных форм слов в речевой практике.

Ключевые слова: *словоизменительная парадигма; полная/неполная парадигма; грамматический профиль слова; словоформа; частотность употребления.*

Boris Yu. Norman

Is There the Word *Spichki* in Russian Language? (About the Integrity of Inflectional Paradigm and Grammar Forms of the Word).

The article is dedicated to the problem of complete/incomplete of inflectional paradigm and grammar profile of the word – the whole forms actual in communicative practice. The author raises a question of use of one or another form of the word with «defective» paradigm as the title of vocabulary item, analyses the frequency of use of different words forms in verbal practice.

Key words: *inflectional paradigm; complete/incomplete paradigm; grammar profile of word; allolog; frequency of use.*

Вопрос, вынесенный в заголовок, может показаться странным или даже провокационным. Ну как же не быть такому слову? Все мы пользуемся спичками и знаем, что это такое. Но вопрос этот поставлен в языковой плоскости, и с точки зрения лингвистики он далеко не бессмыслен.

Борис Юстинович Норман, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания; ведущий научный сотрудник

E-mail: boris.norman@gmail.com

Белорусский государственный университет
пр. Независимости, д. 4, г. Минск, 220030,
Республика Беларусь
Belarusian State University
4 Independence av., Minsk, 220030, Republic of
Belarus

Уральский Федеральный университет (Екатеринбург)

пр. Ленина, д.51, Екатеринбург, 620083, Россия

Ural Federal University (Ekaterinburg)
51 Lenina av., Ekaterinburg, 620083, Russian
Federation

Исследование выполнено за счет гранта РФ (проект № 16–18–02005).

Ссылка для цитирования: Норман Б.Ю. Есть ли в русском языке слово *спички*? (О полноте словоизменительной парадигмы и грамматических профилях слова) // Русский язык в школе. – 2018. – № 6. – С. 71–76. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-71-76.

Ответить на него – значит решить, есть ли в русском языке отдельное слово *спички* или же это только одна из форм слова *спичка*. Можно сформулировать лингвистическую задачу и по-другому: какое слово есть в русском языке – *спичка* или *спички*? Какую форму следует считать исходной и использовать в качестве заглавной в словарных статьях?

Обратимся к справочным изданиям. Одно из лучших лексикографических пособий последнего времени – «Большой толковый словарь современного русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (БТСРЯ 1998) – дает следующее определение:

СПИЧКА – тонкая деревянная палочка с головкой из воспламеняющегося вещества для получения огня.

То, что словари не поспевают за жизнью, не должно нас удивлять. Сегодня, в частности, спички могут быть уже не «деревянными палочками», а картонными полосками. Но дело не в этом, а в другом. В той же словарной статье далее (после примеров) стоит вертикальная черточка, обозначающая «заметный сдвиг в значении», и говорится:

только мн. СПИЧКИ. Совокупность таких палочек в специальной упаковке, коробке как отдельный предмет.

И далее опять идут примеры.

Только *мн.* означает, что слово относится к категории *pluralia tantum*, «только множественных», и не имеет единственного числа. Говоря по-другому, *спички* попадают в ту же группу, что и русские существительные *сани, ножницы, очки, девчата...* Следовательно, у этого слова — особая грамматическая характеристика! Строго говоря, в предложениях *Я разложил на столе спички* (об отдельных «деревянных палочках») и *Не забудь купить спички* (об упаковках средств зажигания) употреблены формы двух разных слов. И это выводит нас на серьезный вопрос о морфологической парадигме.

Парадигма в морфологии — система форм словоизменения. Например, у слова *стол* — 12 таких форм (*стол, стола, столу..., столы, столов, столам...* и т.д.), это его парадигма. Но получается, что у слова *спичка* — такая же парадигма из 12 форм, а у слова *спички* (если считать его отдельным словом) — только 6, и все — множественного числа (*Не забудь купить спички, В доме нет спичек, Спичками я не доверяю* и т.д.).

И первый вопрос, на который мы должны дать ответ, это: могут ли в рамках одного слова как лексической единицы существовать лексико-семантические варианты с разными морфологическими (словоизменительными) парадигмами? Эта проблема не простая, потому что именно различие в парадигмах — важнейшее свидетельство лексического расщепления слова. Такие примеры в русском языке хорошо известны. Это могут быть разные формы (и, соответственно, разные слова, ср. *зубы* и *зубья, листы* и *листья, меха* и *мехи, вижу проводника* и *вижу проводник* и т.п.) или же полный комплект форм в противопоставлении неполному. Ср:

капля ‘частица жидкости’ (двучисловое сущ.) и *капли* ‘жидкое лекарственное средство’ (только мн.); *средство* ‘способ, орудие’ (двучисловое) и *средства* ‘финансы’ (только мн.); *бег* ‘движение бегом’ (только ед.) и *бега* ‘скачки, состязания’ (только мн.); *право* ‘совокупность законов’ (только ед.) и *права* ‘документ, позволяющий управлять автомобилем’ (только мн.) и т.п.

По-видимому, в начальной стадии процесса семантической дивергенции эти варианты ощущались именно как варианты — в границах одного слова (вероятно, так обстоит дело и с нашими *спичками*),

а затем каждый из них превращается в отдельное слово (как в наши дни произошло со словами *мех* и *мехи*).

Но это только первый — теоретический — шаг на пути решения проблемы. А дальше надо сделать второй шаг. Мы привыкли обычно считать исходной (лемматизированной) для существительного форму единственного числа. Но не следует ли учитывать реальное употребление его форм? Ведь и у слова *очки* когда-то ощущалась связь с формой единственного числа *очко*; сегодня же только в шутку можно сказать об одной из частей очков: *У меня правое очко поцарапано*. И в русском языке есть много слов, не являющихся пока что *pluralia tantum*, но приближающихся к этой категории: *лекарственные, боеприпасы, ботфорты, букли, гренки, катакомбы, стропила, инициалы, каракули, кроссовки, надолбы...* Эти слова, вне всякого сомнения, употребляются чаще во множественном числе, чем в единственном. А.А. Зализняк в свое время предлагал выделять их в отдельный подкласс [Зализняк 1967: 60–61]. О том же писал Н.Д. Андреев, предлагая ввести особые статистические классы доминантно-сингулярных имен, типа *солнце*, и доминантно-плюральных, типа *оладья* [Андреев 1976: 71–72]. Иногда человек, привыкший употреблять то или иное слово во множественном числе, затрудняется образовать от него единственное: как сказать — *гренка* или *гренок, надолб* или *надолба*? Эти проблемы волнуют и составителей словарей. Надо ли давать в словаре в качестве исходной формы *инициал* или сразу *инициалы*? *боеприпас* или все же более естественное *боеприпасы*?

До тех пор пока *ботфорты* были историзмом, отсылающим нас к петровской эпохе и встречающимся только в литературе, грамматический род этого слова никого особенно не волновал. Но как только эта обувь стала реальностью сегодняшнего дня, женщины захотели знать, как сказать: *мой правый ботфорт* или *моя правая ботфорта*? Сравним и поведение этих слов в косвенных падежах:

Бабки на скамейке, утирая рты, бессмысленно смотрят, как она идет, ступая на каблучках своих *ботфорт...*

(Л. Петрушевская. Город Света);

Если удастся скосить глаза вниз, видишь парад изящнейших туфелек, высоких *ботфорт*ов, пряжек и шпор, но и кроссовок тоже...

(Д. Рубина. Окна).

Вообще варианты формы слова нередко встречаются в грамматике. Но в данном случае речь идет о принципиальном выборе основной формы слова! Это касается и целых подклассов слов. Скажем, какая форма является исходной в названиях народов и народностей: *немец* или *немцы*, *поляк* или *поляки*, *татарин* или *татары*? Словарь Ожегова, например, последовательно дает:

НЕГРЫ... *ед.* негр. Люди, принадлежащие к негроидной расе.

НЕМЦЫ... *ед.* немец. Народ германской языковой группы, составляющий основное население Германии.

НОРМАННЫ... *ед.* -анн. Общее название племен, населявших Скандинавию в средние века. И т.д. [Ожегов 1988].

Значит, *немец* семантически производно от *немцы*. И поскольку этническая характеристика человека выделяется только на фоне соответствующей общности людей, то примат множественного числа тут объясним. Можно понять составителя словаря и согласиться с ним.

А если мы имеем дело с предметами, которые в силу своей природы «предпочитают» существовать во множестве, — как мы представляем себе и употребляем их названия?

Скажем, в Словаре языка Пушкина (СЯП 1956–1961) зафиксированы все слова, употребленные великим русским поэтом в его творчестве. Это порядка 20 тыс. разных лексем, и для каждого слова приводится частота употребления отдельных словоформ. Эта статистика дает очень интересные результаты.

Так, для лексемы *слеза* из 281 употребления, зафиксированного в пушкинских текстах, 274 имеют форму множественного числа и только 7 — единственного. Для слова *глаз* из 341 употребления 323 представлены формами множественного числа и лишь 18 — формами единственного. Для лексемы *волос*, дающей в сумме 59 словоупотреблений, соотношение форм множественного и единственного числа выглядит как 54 к 5 и т.д. Для слова *бровь* (23 словоупотребления) это отношение равно 18 к 5. Все 8 словоупотреблений лексемы *ноздря* даны во множественном числе... Конечно, никто не скажет, что *слеза* или *ноздря* в русском языке — существительные pluralia tantum. И в словаре они совершенно справедливо даются в исходной форме единственного числа. Но речевая действительность наглядно демонстрирует нам

неравновесность отдельных «клеточек» парадигмы у этих слов. Понятно, данный факт обусловлен жизненной практикой носителя языка: слезы или волосы чаще существуют «во множестве», так же, как глаза и ноздри — парами. Кстати, в одном случае составители словаря все же отступают от избранного ими принципа: статья к слову *ус* представляет собой отсылку к существительному во множественном числе *усы* «волосяной покров над верхней губой у мужчин». И здесь из 61 словоупотребления только 4 относятся к единственному числу (вроде *Стал крутить свой си-вый ус*)... Всё это цифры, говорящие о реальной жизни слова в речи!

Сегодня в распоряжении филологов оказывается мощный инструмент исследования текстов, а через них и языка: электронная база данных, именуемая корпусом. Появляется даже особое ответвление науки — корпусная лингвистика. В частности, Национальный корпус русского языка (НКРЯ) позволяет мгновенно узнать, в каких текстах употреблено то или иное слово, та или иная словоформа и какая общая частота интересующего нас явления. Для удобства пользователя отдельные функциональные стили представлены здесь в виде подкорпусов — поэтического, газетного, устного, исторического и т.п.

Вернемся к нашим спичкам. Оказывается, что слово *спичка* (в разных числах и падежах, в том числе и с предлогами) зафиксировано в НКРЯ в 2 396 документах (текстах), а слово *спички* (мн. число, опять-таки во всех возможных падежах) — в 1 715 документах [www.ruscorgo.ru]. Конечно, в последнем случае учитываются как контексты типа *Он разложил на столе спички*, так и контексты типа *Купи спички!* Но получается, что формы множественного числа этого слова составляют львиную долю (более 70%) от всех употреблений вокабулы *спичка!* Иными словами, *спички* нам нужнее, чем *спичка*. Соответственно, и у слова *спички* больше прав на то, чтобы оказаться в словаре русского языка, чем у его «родителя» *спичка!*

Обратимся теперь вообще к понятию парадигмы существительного. Это ведь не только изменение слова по числам, но также и по падежам. И так же, как мы привыкли считать исходным для существительного значение единственного числа, из всех падежей наиболее репрезентативным считается именительный. В словарях существительные приводятся именно

в именительном падеже. Но падежная парадигма слова может быть неполной: какие-то формы у слова могут отсутствовать. Примеры такого рода хорошо известны языковедам. Скажем, у русских слов *мечта* или *мольба* во множественном числе отсутствуют формы родительного падежа: нельзя сказать «мечт» или «мольб». А у слова *эхо* наличие других падежных форм вообще вызывает некоторые сомнения (можно ли сказать: *В этом эхе я услышал знакомые нотки* или *К этому эху трудно привыкнуть?*).

Все это приводит языковедов к пониманию необходимости исследовать реальную картину употребления слова в речи. Дело в том, что все грамматические явления, в том числе падежные формы, обладают некоторой средней частотой появления в текстах. И эта частота давно подсчитана. Оказывается, что самый частый падеж в русских текстах — это именительный (примерно 30%), на втором месте идет родительный (26%), на третьем — винительный (19%)... Редкие падежи — предложный, творительный, дательный. Значит ли это, что все слова в равной степени подчиняются частотному распределению? Нет, это только общая картина, выравнивающая какие-то частные особенности. На деле же можно для каждого слова очертить его грамматический профиль — т.е. совокупность форм, востребованных коммуникативной практикой. И при этом может оказаться, что у конкретных слов распределение словоформ по употребительности не отвечает общему правилу.

Например, довольно редкое существительное *прискорбие* со значением 'скорбь, печаль, горестное сожаление' (БТСРЯ). Национальный корпус русского языка фиксирует на это слово 460 документов, 585 вхождений. Среди приводимых контекстов есть и такие, как *Я — само прискорбие* и *Вообразите мое прискорбие...* и т.п. Однако абсолютное большинство словоупотреблений представлено всего двумя словоформами: *с прискорбием* (Тв. падеж с предлогом *с*) и *к прискорбию* (Д. с предлогом *к*). Конечно, нет оснований говорить об ущербности парадигмы этого слова, но в речи, оказывается, «жизнь» его сводится буквально к считанным формам.

Можно подсчитать употребительность отдельных словоформ даже для целого подкласса слов — для лексико-семантической группы (ЛСГ). И тут нас тоже ждут

неожиданности. Возьмем, к примеру, ЛСГ «Одежда»: слова типа *рубашка, платье, пальто, костюм, халат...* Оказывается, по данным корпуса, чаще всего эти слова употребляются в винительном падеже (30%), на втором месте идет предложный (26%), только затем — именительный (20%) и родительный (14%)... [Норман, Мухин 2015: 353].

Как объяснить этот отход от стандартного распределения? Судя по конкретным контекстам, человек в своей «усредненной» речемыслительной деятельности воспринимает одежду как артефакт, служащий ему «объектом» деятельности (надевания, снятия, хранения, покупки и т.п.) — это объясняет высокий процент винительного падежа. Затем, на втором месте, идет представление об одежде как о «контейнере», «оболочке» для своего тела (это объясняет большую долю форм предложного падежа, в том числе с предлогом *в*: *в рубашке, в пиджаке, в пальто...*). И лишь затем одежда — это «субъект» (состояния, размещения в пространстве, оценочной квалификации и т.п.) — об этом говорит соответствующая доля именительного падежа.

А у слов со значением «Инструмент» будут свои особенности в частотном распределении падежных форм, у слов со значением «Чувства» — свои... В этом проявляется когнитивная функция языка, его способность обеспечивать взаимодействие человека с окружающим миром. По сути, грамматический профиль слова отражает фрагмент языковой картины мира: он показывает, как человек относится к тому или иному явлению действительности, в каком качестве он его воспринимает и использует в своей мыслительной и коммуникативной деятельности. Может быть, по совокупности этих грамматических признаков («профилю») слова можно вообще судить о его значении, о его отнесенности к той или иной ЛСГ? Это очень заманчивая идея.

Возьмем еще один пример. Бумага и карандаш — письменные принадлежности. Соответствующие слова довольно часто употребляются в нашей практике. Причем оба они обладают полной парадигмой из 12 словоформ. Можно сказать:

У меня есть *карандаш* и *бумага*; У меня нет *карандаша* и *бумаги*; Доверить мысли *карандашу* и *бумаге*; Купить *карандаш* и *бумагу*; На столе валялись *карандаши* и *бумаги* (здесь *бумаги* — немного в «особом» значении); С *карандашами* и *бумагой* у нас проблема и т.д.

Но роль этих слов в нашей жизни разная. Бумага в типичном случае — не столько материал, сколько поверхность, на которой мы пишем, т.е. локатив (место). А карандаш — это прежде всего инструмент (орудие) для письма. Поэтому можно, не заглядывая в корпус текстов, предположить, что доля словоформ творительного падежа (типичного выразителя инструмента) *карандашом, карандашами* в общей массе употреблений этого слова будет выше, чем доля словоформ *бумагой, бумагами* среди совокупности их употреблений. А вот от слова *бумага* ожидалась бы повышенная частота употребления в формах предложного

падежа, выражающего, вместе с предлогами, идею «места» (ср.: *на бумаге, в бумагах* и т.п.). Язык сам знает, для чего нам нужно то или иное слово, и предлагает говорящему в первую очередь именно соответствующие словоформы. Проверим это по данным НКРЯ. Всего, с учетом снятой омонимии (иначе нам невозможно было бы различить, скажем, *бумаге* — Д. падеж и *бумаге* — П. падеж) здесь представлено 1 163 вхождения на слово *бумага* и 301 — на слово *карандаш*.

Вот как количественно распределяются словоформы этих двух слов по падежам (без различия ед. и мн. числа, т.е. Sg + Pl):

	ИП	РП	ДП	ВП	ТП	ПП	Всего
Бумага	157	347	32	396	90	141	1163
Карандаш	67	48	7	88	86	5	301

А вот те же данные в процентном отношении:

	ИП	РП	ДП	ВП	ТП	ПП	Всего
Бумага	13,5	29,8	2,8	34,0	7,7	12,1	100
Карандаш	22,3	15,9	2,3	29,2	28,6	1,7	100

Полученные данные интересны во многих отношениях. Например, для слова *бумага* значительно привычнее оказалась роль целого по отношению к части (*лист бумаги*), чем та же роль для слова *карандаш* (*грифель карандаша*) — соответственно 29,8 и 15,9 % словоупотреблений. Но главное — подтвердились сделанные выше предположения. Употребление словоформ творительного падежа *карандашом, карандашами* (в преимущественной функции инструмента) почти в 4 раза превосходит долю словоформ *бумагой, бумагами*. И наоборот, в предложном падеже, воплощающем в себе основную долю локативных отношений, процент словоформ (*на бумаге, (в) бумагах* оказывается в 7 раз больше, чем (*на карандаше, (в) карандашах*).

Если у слова неполная парадигма, то это его свойство обнаруживается лишь на фоне полной парадигмы всего грамматического класса (части речи и т.п.). Не заполненную по тем или иным причинам «клеточку» матрицы носитель языка вправе соотнести с заполненными «клеточками» у других слов: системный характер средства общения позволяет ему сделать это.

Например, в русском языке есть устойчивое выражение *с кондачка* со значением

‘не вникнув в существо дела, не подумав, наскоком, кое-как’. Можно сказать: *Не стоит решать с кондачка; Такие дела с кондачка не делаются* и т.п. Выражение не имеет других вариантов, оно застыло в этой форме и, кстати, этимологически остается неясным. Нельзя сказать ни *кондачком*, ни *по кондачку*... Тем не менее составители словарей, в частности (БТСРЯ), реконструируют парадигму этого слова и фиксируют исходную форму именительного падежа: *кондачок*. На каком основании это делается? По-видимому, лексикографы соотносят данное выражение с другими ему подобными (ср.: *с испуга* — исходная форма *испуг, с наскоку* — исходная форма *наскок, с разбега* — исходная форма *разбег, с кондачка* — исходная форма *кондачок*).

Аналогичные вопросы возникают по отношению к таким словам, как *бесценюк, всеоружие, обиняк, обнимка, отместка, отшиб, охотка, ошуть, придача, проформа, спуд, упад, эгида, юр* и многие другие. Все они фиксируются словарем (БТСРЯ) в исходной форме именительного падежа. А фактически употребляются в составе конкретных предложно-падежных форм: *за бесценюк, во всеоружии, без обиняков, в обнимку, в отместку, на отшибе, в охотку, на ошуть, в придачу*,

для проформы, под студом (или из-под студа), до упаду, под эгидой (редко из-под эгиды), на юру... Ничего удивительного в этом нет. Ведь даже такие полноценные сегодня наречия, как *вдали* и *понаслышке*, были когда-то членами парадигмы существительных *даль* и *наслышка*. Сравним употребление слов *наслышка* и *понаслышке* в следующей цитате:

Наслышка. Блок впервые прочитал Ницше в 1906, а до этого всё было понаслышке. (М.Л. Гаспаров. Записи и выписки).

Очевидно, здравый консерватизм — неизбежное и необходимое свойство лексикографических пособий. И слитное или раздельное написание тут недостаточно показательно. Орфография вообще дело сравнительно позднее и условное. Объяснить, почему *вприкуску* пишется слитно, а *в обнимку* — раздельно, невозможно, это дело случая и лексикографической традиции.

Рассмотренные примеры отражают процессы лексикализации словоформы, превращения ее в отдельное, самостоятельное слово. В частности, падежная форма существительного вместе с предлогом со временем может превратиться в наречие. Это — длительный процесс, и естественно, что словари не сразу на него отзываются. Но вместе с тем приведенные выше примеры вскрывают некоторый **внутренний антагонизм словоформы и парадигмы**. Понятно, на чем он основан. Синтаксически активная словоформа запечатлевается в памяти «сама по себе», становится доминантной в рамках парадигмы и потому стремится к определенной автономии. Именно привычная синтаксическая роль создает у формы слова иллюзию самостоятельности и независимости от того словоизменительного ряда, в который она входит.

Все это — проблемы современной грамматической теории, которая стремится сделать лингвистическое описание максимально адекватным речевой практике и одновременно доступным для широкого читателя.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев Н.Д. Квазилингвистика Хомского // Вопросы языкознания. — 1976. — № 5. — С. 58–73.

Большой толковый словарь русского языка / глав. ред. С.А. Кузнецов. — СПб., 1998 (БТСРЯ).

Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. — М., 1967.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.03.2018) (НКРЯ).

Норман Б. Полнота/неполнота парадигмы как признак слова // Грамматика и лексика у словенским језицима. Зборник radova s међународног симпозијума. — Нови Сад — Београд, 2011. — С. 151–164.

Норман Б., Мухин М. О грамматических профилях лексико-семантических групп: поиск внутренних связей между лексической и грамматической семантикой // *SLAVIA časopis pro slovanskou filologii*. Ročník 84. — 2015. — Sešit 3. — С. 348–359.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. — М., 1988.

Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. В.В. Виноградов. — М., 1956–1961.

REFERENCES

Andreev N.D. Kvazilingvistika Homskogo, in *Voprosy yazykoznanija*, 1976, No. 5, pp. 58–73.

Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka, chief ed. Kuznetsov S.A., Sankt-Petersburg, 1998.

Zaliznyak A.A. Russkoe imennoe slovoizmenenie, Moskva, 1967.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka, available at: <http://ruscorpora.ru>

Norman B. Polnota/nepolnota paradigmy kak priznak slova, in *Grammatika i leksika u slovenskim jezicima*. Zbornik radova s mejunarodnog simpozijuma, Novi Sad — Beograd, 2011, pp. 151–164.

Norman B., Muhin M. O grammaticeskikh profiliah leksiko-semanticheskikh grupp: poisk vnutrennih svyazei mezhdu leksicheskoi i grammaticheskoi semantikoi, in *SLAVIA časopis pro slovanskou filologii*. Ročník 84, 2015, ed. 3, pp. 348–359.

Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka, after ed. of Shvedova N.Yu., Moskva, 1988.

Slovar' yazyka Pushkina: in 4 vol., responsible ed. Vinogradov V.V., Moskva, 1956–1961.